

С точки зрения экспорта и импорта нефти и газа все страны принято делить на две группы: страны - потребители и страны производители углеводородного сырья. Россия относится ко второй группе. Место России в международном разделении труда в настоящее время в значительной мере определяется топливно-энергетическим комплексом, экспорт газа, нефти и нефтепродуктов обеспечивает более половины доходов (свыше \$100 млрд.) от внешней торговли [1; 35]. Топливо-энергетическая ориентированность внешней торговли России порождает острые дискуссии о современном состоянии и перспективах социально-экономического развития нашего государства. Либеральные критики существующего в России политического режима отрицательно оценивают ресурсно-сырьевую ориентированность экономического развития, называя Россию «петростейтом», «бензиновым государством» (термины предполагают очевидные отрицательные смысловые коннотации) [35; 36]. Например, К. Юдаева, опираясь на идеи теории «ресурсного проклятия», называет современную политическую систему в России «бюрократическим капитализмом», не заинтересованным в экономической дифференциации [2]. Л. Шевцова считает, что образовавшаяся в России политико-экономическая модель представляет собой бюрократическое нефтяное государство. Типичное для нефтяного государства слияние экономики и государственной власти привело к возникновению социального слоя, живущего на доходы от продажи сырья, господству крупных монополий, коррупции, восприимчивости экономики к неприятностям извне, угрозе «голландской болезни» и падению уровня жизни [3; 9]. К. Рогов полагает, что ставшее в 2000-е годы популярным среди политической элиты представление об изобилии энергоресурсов как о «естественном преимуществе» России не просто заблуждение, но стратегическая ошибка и основной контрмодернизационный миф [4]. Напротив, критики концепции «ресурсного проклятия» («голландской болезни»), а также консервативно ориентированные публицисты и политики, например, К. Симонов, полагают, что занести Россию в разряд «петростейтов» нельзя, поскольку (1) сырьевой сектор не единственное конкурентное преимущество России; (2) добыча нефти и газа осуществляется национальными, а не иностранными корпорациями; (3) экономика страны в состоянии самостоятельно перерабатывать добываемое углеводородное сырье [5]. На прошедшем в январе 2013 г. Гайдаровском форуме сопредседатель «Деловой России» А. Данилов-Данильян заявил, что понятие «голландская болезнь» к России в классическом виде не применимо. В классическом понимании этого термина она характеризует негативные эффекты, которые оказывает укрепление реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в одном из секторов экономики. «С точки зрения выявления «голландской болезни» в российской экономике интерес представляет период с 2003 г. до первой половины 2008 г. В это время шло последовательное укрепление рубля, и

можно было наблюдать, какое влияние оно оказывало на национальную экономику. В течение всего этого времени инфляция не росла, а падала. Безработица снижалась. Развивались практически все отрасли экономики. И тем самым даже симптомов «голландской болезни» – в академическом ее понимании – не было» [6]. Консерваторы, как правило, рассматривают ресурсное богатство как важное конкурентное преимущество, называя Россию «энергетической супердержавой» или «сырьевой сверхдержавой». Обращение к смысловым коннотациям терминов «сверхдержава» и «супердержава», призвано подчеркнуть силу и превосходство российского государства, неважно, что речь идет о природных богатствах. По-видимому, образ «сверхдержавы» выполняет своеобразную компенсаторную функцию, в противоположность представлениям о технологической отсталости нашей страны по сравнению с интенсивно развивающимися и развитыми экономиками. Известный российский общественный деятель Н. Нарочницкая в 2004 г. подчеркивала, что опора на ресурсное изобилие и сильную властную вертикаль – важнейшие факторы состоятельности России на мировой политической арене. «На фоне очевидного передела мира ради контроля над планетарными источниками энергии Россия, похоже, задумалась о значении двух критических факторов своего будущего. Это колоссальные природные богатства, единственно способные компенсировать невыгодные климатические и пространственные условия России. Это также консолидация национально-государственной воли. Именно в них залог устойчивого внутреннего развития и способности предложить Западу отношения вне навязываемого России ультимативного контекста» [7]. Из приведенного высказывания очевидно, что его автор (1) в качестве важнейших причин российских проблем называет географические детерминанты: невыгодные пространственные и климатические условия; (2) не видит иных источников и инструментов для «компенсации» этого «невыгодного положения», кроме «колоссальных природных богатств», с одной стороны, и укрепления властной вертикали, с другой; (3) Запад стремится установить контроль над планетарными источниками энергии и навязывает России «ультимативный контекст», другими словами, враги хотят отнять у нас то последнее, что у нас осталось; (4) природные богатства необходимо использовать как инструмент противодействия давлению Запада. В данном нарративе одновременно присутствуют образ внешнего врага, т.е. Запада и образ несчастной России, которая предстает жертвой негативных, неблагоприятных обстоятельств, не зависящих от воли и желания, её жителей. В качестве решения предлагается «консолидация национально-государственной воли» для того, чтобы сохранить природные богатства России. В. Сурков в 2006 г. развил этот тезис: «Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России. Так же как и центр власти над ее настоящим и будущим» [8]. И он же: «Мы обязаны выстроить базис инновационной культуры,

системы создания уникальных знаний, поскольку знание - это власть и капитал для сбережения народа. И сейчас, и в посленефтяную эпоху, наступление которой неизбежно. Мы обязаны конвертировать сырьевую экономику в интеллектуальную, чтобы проложить России путь наверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих историю» [8]. Сама идея «энергетической супердержавы» возникла на фоне целого ряда энергетических конфликтов, в первую очередь, между Россией и Украиной, а также между Россией и Белоруссией, по поводу транзита российского газа в западноевропейские страны. Это, в свою очередь, породило на Западе немало дискуссий об «энергетической безопасности», а в России дало повод политической элите рассматривать газ и нефть как решающие инструменты внешней и внутренней политики. Идея «сырьевой сверхдержавы», овладевшая умами нашей элиты, считают критики этого концепта, означает признание провала попыток диверсифицировать российскую экономику [3; 9]. Проведенный автором статьи количественный и содержательный анализ программных выступлений Президента РФ позволил выявить ключевые позиции в официальной государственной стратегии выстраивания взаимодействий с нефтяной и газовой отраслями. Послания отражают современную идеологию и политику власти, официальную позицию тех кругов общества, которые осуществляют в настоящее время власть в стране [10]. Качественный анализ Посланий Президента за 2002-2012 гг. показал, что, хотя смысловые акценты и объём внимания, уделённого нефтегазовой проблематике, в разные годы менялись, в целом власть рассматривает данный экономический сектор как важнейший источник пополнения доходов бюджета и ключевой фактор экономического благополучия. Общий объём шести посланий Президента В.В. Путина (2002-2007 гг.) составляет 32933 слов, 218105 знаков. Объём текста, где упоминается нефтегазовая отрасль, составляет 1045 слов, 6891 знак (3,2%). Общий объём четырех посланий Президента Д.А. Медведева (2008-2011 гг.) составляет 32433 слов, 217036 знаков, но в то же время объём текста, где упоминается нефтегазовая отрасль, у Д.А. Медведева составляет только 523 слова, 3449 знаков (1,6%). Таким образом, В.В. Путин в своих Посланиях Федеральному Собранию в два раза чаще обращался к нефтегазовой тематике, чем Президент Д.А. Медведев. В Посланиях В.В. Путина упоминания о нефтегазовом секторе в общей сложности занимают 3,2% всего объёма выступлений, в то время как в текстах Д.А. Медведева – примерно 1,6%. Какие аспекты темы присутствуют в посланиях Президента В.В. Путина 2002-2007 гг.? Мы выделили в его посланиях четыре ключевых аспекта, 20 семантических маркёров, упоминающихся 40 раз. На первом месте (37,5% всех упоминаний) - тема нефтяных рынков. Эта тема упоминается 15 раз, в том числе: рынки нефти (2); торговля энергоносителями (3); экспорт нефти / экспорт топливно-энергетических ресурсов (5); поставки нефти и газа (1); конкуренция (2);

биржевая торговля нефтью (1); цены на энергоносители (1). На втором месте (22,5% упоминаний) – «нефтегазовые доходы», всего 9 упоминаний, в том числе: стабилизационный фонд / фонд будущих поколений (5); выгода от природных ресурсов (1); налоги (1); тарифы (1); ЮКОС (1). На третьем месте (20%) - «транспортировка углеводородов», всего 8 упоминаний, в том числе: изношенность систем транспортировки углеводородов (1); нефтепровод (3); газопровод / газотранспортная система (4). Наконец, на четвёртом месте (20% упоминаний) «производство» нефти и газа, всего 8 упоминаний, в том числе: добыча нефти и газа (2); переработка нефти и газа (2); технологическая модернизация / технологическое обновление (2); инновации (1); попутный газ (1). В 2002-2003 гг. Президент В.В. Путин констатировал, что Россия вернулась «на вторую позицию в мире по объёмам производства нефти и на первое место в мире по торговле энергоносителями». [11] «Экспорт нефти, нефтепродуктов и газа увеличился на 18%». [12] При этом он подчеркнул, что необходимо «с умом распорядиться новым положением страны в мировом экономическом сообществе». В 2004 г. Президент уделил особое внимание проблемам транспортной инфраструктуры, указав, что изношенность нефтепроводов, газотранспортной системы накладывают серьёзные ограничения на развитие всей российской экономики, препятствует диверсификации поставок российской нефти. В качестве важнейших задач развития В.В. Путин определил « ... расширение пропускной способности Балтийской трубопроводной системы, введение в действие нефтепроводов Западная Сибирь – Баренцево море, определение маршрутов с месторождений Восточной Сибири, обход проливов Босфор и Дарданеллы, интеграция нефтепроводов «Дружба» и «Адрия». (...) Что касается газотранспортной системы, то здесь надо прежде всего развивать газораспределительную сеть внутри нашей страны, включая расширение системы на восток России. В части экспорта важнейшим является строительство Северо-Европейского газопровода. Он позволит диверсифицировать экспортные потоки, напрямую связав сети России и страны Балтийского региона с общеевропейской газовой сетью» [13]. В 2006 г. Президент говорит о необходимости биржевой торговли нефтью в России, а также о важности модернизации и технологического развития: «... мы уверенно чувствуем себя в добывающих отраслях. Наши предприятия здесь – вполне конкурентоспособны. (...) Необходимо создать условия для ускоренного технологического обновления энергетической отрасли. Надо развивать современные перерабатывающие производства и транспортные мощности, осваивать новые, перспективные рынки» [14]. В Послании 2007 г. много внимания Президент уделил вопросу расходования нефтегазовых доходов, в том числе накоплений Стабилизационного фонда. «Не может страна с такими резервами, накопленными за счет нефтегазовых доходов, мириться с тем, что миллионы ее граждан живут в трущобах». [15] После довольно эмоциональных оценок

ситуации в социальной сфере, Президент подробно охарактеризовал структуру Стабилизационного фонда, а также приоритетные направления расходования средств: пенсии, социальная сфера, инфраструктурное развитие и т.п.: «...все нефтегазовые доходы предполагается разделить на три составляющие. Первое - это Резервный фонд для целей минимизации рисков нашей экономики в случае резкого падения цен на энергоносители на мировых рынках. А также - для поддержания макроэкономической стабильности и борьбы с инфляцией. Что, еще раз подчеркну, напрямую направлено на рост денежных доходов населения. Второе - часть нефтегазовых доходов должна идти в федеральный бюджет для выполнения прежде всего масштабных социальных программ. И третье - Фонд будущих поколений, куда будут направляться все остальные нефтегазовые доходы. Считаю, что средства этого Фонда должны идти на повышение качества жизни людей и развитие экономики. Должны работать на улучшение благосостояния как будущих, так и нынешних поколений. И, конечно, в этой связи более правильно было бы назвать его именно Фондом национального благосостояния». [15] Таким образом, в Посланиях Президента В.В. Путина больше внимания уделялось двум аспектам: 1) развитию экспорта нефти и газа; 2) расходованию нефтяных доходов. Тема модернизации и инновирования отрасли звучала менее настойчиво. Наибольший объем внимания нефтегазовой проблематике был уделен Президентом в 2007 г., когда речь шла о Стабилизационном фонде. Какие аспекты темы присутствуют в посланиях Президента Д.А. Медведева 2008-2011 гг.? Эксперты отмечают, что по стилистике выступления Д.А. Медведева (особенно предвыборные) очень напоминали речи В.В. Путина. Обоим было свойственно часто использовать риторические обращения к слушателям, цитировать Великих, пользоваться метафорами и идиомами. [16] Тем самым подчеркивалась преемственность и способность работать в тандеме. Вместе с тем Д.А. Медведев в начале своей президентской карьеры всячески стремился поддерживать имидж либерально мыслящего политика, избравшего в качестве главного своего кредо «Свобода лучше, чем несвобода!». Его программа концентрировалась «на четырех своеобразных «И» – институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях». Он заявлял, что, во-первых, надо преодолеть правовой нигилизм. Во-вторых, радикально снизить административные барьеры, в-третьих, облегчить налоговое бремя в целях стимулирования инноваций и частных инвестиций в человеческий капитал. Четвертым пунктом он называл построение мощной и самостоятельной финансовой системы, которая в перспективе станет одним из столпов финансовой стабильности в мире, превратит рубль в одну из региональных резервных валют [16; 17]. В 2011 г. к своей модели четырех «И» Д. Медведев добавил еще и пятый элемент, еще одно «И» - интеллект [18]. В 2009 г. в программной статье «Россия, вперед!», которую политологи называли «манифест российской модернизации», Д.А. Медведев в очередной раз констатировал:

«Неэффективная экономика, полагающаяся на нефтегазовую конъюнктуру, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ - это очень большие проблемы даже для такого государства, как Россия». [19] Из приведенной цитаты можно заключить, что брутальному образу «энергетической супердержавы» противопоставляется образ «больших проблем», которые чреваты слабостью и зависимостью «ДАЖЕ для такого государства как Россия». Действительно, если прислушаться и расшифровать смысловые интенции в приведенном высказывании, то обнаруживаем следующее: (1) «конъюнктура» - читай «нестабильно, непостоянно»; (2) «зависимость» - читай «несвобода, несамостоятельность»; (3) «нефтегазовой конъюнктуры» - читай «на внешнеэкономических рынках», т.е. зависимость от внешних сил; (4) экономика неэффективная, т.е. плохая (отсталая, бедная); (5) «неэффективная экономика» полагается на всю эту зыбкую, непрочную основу. Д. Медведев призвал преодолеть эти недостатки: «В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности» [19]. Тем самым, альтернативой России сырьевой представляется Россия инновационная. Но идея «супердержавы», на наш взгляд, не снимается с повестки дня, а всего лишь уходит на второй план.

Примечательные и совершенно не случайные в данном контексте слова: «ДАЖЕ для такого государства как Россия», подразумевают, что Россия остается сильным государством, но переживающим временные трудности. «В конце концов, не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем» [19]. И. Калинин, интерпретируя данный тезис Д.А. Медведева, формулирует интересное критическое наблюдение: «Во-первых, исторический суверенитет России связывается с необходимостью артикуляции национальной идентичности, опирающейся на «собственное представление» о прошлом и будущем России. Во-вторых, этот суверенитет связывается с необходимостью преодоления сырьевой зависимости, смысл которой состоит в том, что цены на наши природные богатства диктуются мировым рынком (что, в конечном счете, делает их не совсем «нашими»). Наконец, в-третьих, в нем обнажается связь между борьбой за дискурс («наши собственные представления») и борьбой за сырьевые ресурсы. При этом задача новой российской модернизации видится в переходе от второй к первой (воспринимаемой как знак «продвинутой» современности)». [20] В целом в выступлениях Д.А. Медведева наблюдается противопоставление инновационной модели экономического развития и ресурсно-сырьевой. Но при этом предлагаемые и провозглашаемые пути и способы перехода от сырьевой экономики к интеллектуальной остаются в плоскости административно-

бюрократической логики. В этой связи весьма показательным и вполне закономерным представляется недавнее развенчание весьма амбициозного сколковского проекта Д.А. Медведева. В феврале 2013 г. Следственный Комитет России возбудил уголовное дело о хищении 24 млн. рублей, выделенных из бюджета на развитие наукограда Сколково [21; 22]. В посланиях Д.А. Медведева отчётливо просматриваются три сюжета, связанных с нефтегазовым сектором, 13 семантических маркёров, упоминающихся 26 раз. На первом месте (53,8% всех упоминаний) затрагивается тема «развитие» (14 упоминаний), в том числе: развитие (3); модернизация / обновление (4); инновации (2); энергоэффективность (2); биоресурсы / попутный газ (3). На втором месте (34,6% упоминаний) – «нефтегазовые доходы», всего 9 упоминаний, в том числе: нефтяные доходы (1); рынки (1); цены на нефть и газ (3); резервы (1); бюджетные поступления (3). На третьем месте (11,5% упоминаний) – «добыча нефти и газа» (3). В 2008 г. Д.А. Медведев заявил, о том, что необходимо «предпринять практические шаги по усилению роли рубля в качестве одной из валют международных расчётов. И, наконец, начать переход к расчётам в рублях – который мы, к сожалению, затянули – конечно, прежде всего за газ и за нефть» [23]. В 2009 г. Д.А. Медведев много и эмоционально говорил о необходимости модернизации, отказа от форсирования роста старой, сырьевой экономики, необходимости обретения Россией «статуса мировой державы на принципиально новой основе. Престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться достижениями прошлого, ведь производственные комплексы по добыче нефти и газа, обеспечивающие львиную долю бюджетных поступлений (...) создано большей частью ещё советскими специалистами, иными словами, это создано не нами. И хотя до сих пор удерживает нашу страну, что называется, «на плаву», но стремительно устаревает, устаревает и морально и физически» [24]. В качестве важнейших проблем в развитии нефтегазовой отрасли Д.А. Медведев назвал «разбазаривание» попутного газа, а в качестве важнейших инноваций – развитие альтернативной энергетики: «...нам нужно не только наращивать добычу полезных ископаемых, но и добиваться лидерства во внедрении инноваций – как в традиционной, так и в альтернативной энергетике. Вопиющим фактом, примером неэффективного использования энергоресурсов остается сжигание попутного газа (...) Одно из наиболее перспективных направлений – это применение широко распространённых у нас биоресурсов, прежде всего древесины, торфа, отходов производства для получения энергоносителей» [24]. В 2010 г. Д.А. Медведев затронул тему международного сотрудничества в сфере предотвращения или ликвидации последствий разливов нефти [25]. В 2011 г. он вновь обратился к теме модернизации: «На самом пике экономического кризиса я инициировал поворот в стратегии развития России - модернизацию нашей экономики. Уверен, что это было правильным решением» [26]. Но при этом

отметил, что более важным фактором экономической устойчивости стал Стабилизационный фонд: «Кризисный период показал, что накопление резервов за счет части нефтяных доходов было и остается разумной политикой. Благодаря именно этим сбережениям Правительство и Банк России не допустили валютного кризиса». [26] Наибольший объем внимания нефтегазовой проблематике был уделен Д.А. Медведевым в 2009 г., когда речь шла о необходимости модернизации. Но, несмотря на все заклинания об инновациях и модернизации, по мнению многих экспертов, «Россия оказалась не готова к выходу на рынок сжиженного газа, проспала глобальные сдвиги в технологиях добычи попутного и сланцевого газа. В то время как мы верили в монополию и трубу, мировой энергетический рынок не очень быстро, но зато верно двигался в направлении все большей диверсификации источников энергии и способов их поставки. То есть двигался к тому, чтобы стать рынком покупателя». [4].

Сторонники официальной стратегии, отвечая на подобную критику, заявляют, что «сланцевая революция – это блеф в чистом виде». И. Грачев, председатель комитета Государственной думы по энергетике (фракция «Справедливая Россия»), полагает, что сланцевая нефть и сланцевый газ – прекрасный инструмент для регулирования цен на российские энергоресурсы и раздувания очередного финансового пузыря. [27] Ну и конечно, данная аргументация подкрепляется разворачиванием флага энергетической супердержавы. В целом, анализ Посланий показал, что В.В. Путин рассматривал нефтегазовую отрасль как одно из немногих конкурентных преимуществ России на мировых рынках, ссылаясь, в частности, на пример «Газпрома», который «...вышел на третье место в мире по капитализации среди крупнейших корпораций мира, при этом, сохраняя достаточно низкие тарифы для российских потребителей» [28]. В.В. Путин прагматично заявлял, что необходимо «с умом» распорядиться теми преимуществами, которые представились России благодаря благоприятной экономической конъюнктуре на мировых экономических рынках. Не случайно в либеральной прессе В.В. Путина окрестили «газовым императором», а «Газпром» – «новым русским оружием». [29; 40]. Но при этом, либералы считают глубоко ошибочной ставку политической элиты на углеводороды, как на естественное и стратегическое преимущество России на мировых рынках. Например, К. Рогов подчеркивает, «Идея «энергетической сверхдержавы» отразила глубокое непонимание российским руководством как технологических, так и институциональных трендов мирового развития». К. Рогов указывает на два критически важных заблуждения. Во-первых, на представление о том, что высокие цены на нефть и газ – это надолго. Во-вторых, на то, что в силу ограниченности энергоресурсов мировой энергетический рынок будет оставаться рынком продавца [4]. В посланиях Д.А. Медведева акценты были расставлены иначе, приоритетным направлением объявляется развитие инноваций и модернизация. Критически оценивая сырьевую ориентацию

российской экономики, Д.А. Медведев заявлял, что она препятствует структурным реформам: «...пока росли цены на нефть, у многих, что там скрывать, почти у всех, были иллюзии, будто структурные реформы еще могут подождать...». [24] За этим высказыванием прочитываются отзвуки либеральной теории «ресурсного проклятия». Но, как уже было отмечено выше, дальше констатации проблемы дело не продвинулось. Вновь став президентом, в 2012 г. В.В. Путин в своем первом Послании большую часть времени рассуждал о дефиците «духовных скреп», национальном сознании, кризисе патриотизма «интересах нации», «духовной идентичности», гражданской ответственности, необходимости укрепления традиционных ценностей. [30] В целом Послание адресовано той части населения, которая в первую очередь ожидает от нынешнего Президента, что он «вернет России статус великой уважаемой державы». Такие пожелания в 2012 г., по результатам опроса Левада-Центра, высказали 57% респондентов. [38; 39] «За первые 12 лет нового века сделано немало. Огромный по важности этап восстановления и укрепления страны пройден. Сейчас наша задача – создать богатую и благополучную Россию». [30] При этом весьма симптоматично, на наш взгляд, что метафорой, иллюстрирующей социокультурные процессы и идеологические дискуссии в российском обществе, был выбран образ борьбы за природные ресурсы. «Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем хочу вас заверить, уважаемые коллеги, и подчеркнуть: не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект» [30]. Пожалуй, можно согласиться с И. Калининым, который полагает, что «ресурсное мышление» в отношении истории и культуры трудно сочетаемы с идеей интеллектуального развития и креативности [20]. Что касается самой нефтегазовой сферы, то наблюдается продолжение риторики о необходимости ухода от сырьевой экономики посредством создания благоприятного бизнес-климата и увеличения конкурентоспособности. «Прямое следствие сырьевой экономики – это дисбалансы территориального развития, рынка труда, социальной сферы» [30]. «По оценкам экспертов, вхождение России в двадчатку стран с наилучшим бизнес-климатом позволит нам прибавить не менее 2,5 процентов к сегодняшнему росту ВВП, причем дополнительный рост будет прежде всего в несырьевом секторе, в малом и среднем бизнесе» [30]. «Стержнем нашей экономической политики должна стать конкурентоспособность всех ключевых факторов ведения бизнеса в России – от доступных кредитов и стимулирующих налогов до удобных административных процедур и низкой инфляции. Это прямой практически путь к обновлению экономики, к уходу от сырьевой зависимости, потому что выгодными становятся десятки тысяч новых проектов – в переработке сырья, в машиностроении, в легкой и тяжелой промышленности, в сфере услуг, в малом и среднем бизнесе и, конечно, в аграрном секторе» [30]. Вместе с тем, очевидно, что осуществлять планы экономического развития,

предлагается за счет расходования средств, накопленных в Резервном Фонде. Так, немало внимания в Послании Президента было уделено планам по расходованию Резервного фонда. «Наши национальные накопления должны работать в стране и на страну.... уже с 2013 года после создания соответствующей управляющей структуры предлагаю часть средств Фонда национального благосостояния, для начала это может быть сумма до 100 млрд. рублей (некоторые считают, что не менее 100 млрд. рублей), нужно вкладывать уже в российские ценные бумаги. Они должны быть связаны с реализацией инфраструктурных проектов» [30]. В настоящее время по поводу объявленных планов расходования средств из Фонда национального благосостояния развернулась борьба между Минфином и созданным взамен Инвестфонда Фонда развития инфраструктурных проектов, задача которого- обеспечить дополнительных 2% ВВП, чтобы экономика ежегодно росла минимум на 5% (как это прописано в «Основных направлениях деятельности правительства до 2018 года») [31]. Д. Медведев уже в качестве премьер-министра РФ остается верен взятой ранее риторической линии. В частности, в феврале 2013 г. в интервью бразильскому телеканалу «Глобу», комментируя слова корреспондента о том, что российская экономика слишком сильно зависит от нефти и газа, он заявил о необходимости снизить долю нефтегазовых доходов в государственном бюджете до 25% [32]. В целом анализ программных политических текстов за период с 2002 по 2012 гг. показал наличие в рядах российской элиты определенной раздвоенности. Оно проявляется в том, что, заявляя о необходимости экономической модернизации, о стремлении к созданию инновационной (интеллектуальной) экономики, политические элиты одновременно принимают решения, направленные на консервацию административно-бюрократических моделей управления, на традиционалистские ценности, которые отнюдь не способствуют продвижению к экономике знаний. [37] Возможно, именно поэтому материковый Китай, сочетающий авторитарный режим, власть одной партии и быстрое экономическое развитие, является предметом тайного обожания для многих членов российского политического класса – как из «партии власти», так и из парламентской оппозиции (а представители некоторых российских региональных элит испытывают сходные чувства к Сингапуру). Комментируя результаты выборов Президента РФ 4 марта 2012 г., сторонники теории «ресурсного проклятья» считают, что прогнозируемый экспертами на 2012 г. рост среднегодовой цены нефти будет способствовать консервации существующего политического режима, а также усугублять технологическую отсталость России. «Благоприятная нефтяная конъюнктура не стимулирует, а, наоборот, отодвигает ряд остро необходимых трудных реформ: пенсионную, медицинского страхования, развития образования, бюджетной сферы и т.д. Вместо принятия непопулярных решений по изменению нынешних, очевидно

неэффективных институтов, их можно и дальше поддерживать нефтедоходами» [33]. Однако, по словам министра экономического развития РФ Э. Набиуллиной, в настоящий момент возможности дальнейшего роста за счет увеличения добычи нефти уже исчерпаны. В течение ближайших 20 лет объем добычи нефти сохранится на уровне 2011 г., и в случае снижения мировой цены на нефть рост экономики России снизится на 2–3%. Для того, чтобы текущая динамика роста не прекращалась, необходим переход к инновационной модели развития. Для этого потребуется не менее 5 лет, и экономический эффект проявится не ранее чем к 2018 г. [34]. Таким образом, рентоориентированное поведение государственной бюрократии и связанного с ней бизнеса губительно для будущего России.